В первый раз, когда Чжоу Фэй проезжала через эти города у подножия 48 крепостей, она была полной деревенщиной, которая не могла насытиться их видами и звуками. Но теперь, по возвращении, она взяла на себя роль любезной хозяйки, показывающей своим гостям окрестности, и с готовностью указала достопримечательности У Чучу и Се Юню – основываясь большей частью на том, что Дэн Чжэнь и старая госпожа Ван сказали ей, когда она в последний раз была здесь. Для тех частей, которые она не могла точно вспомнить, она просто что-то придумывала, говоря всё это с полной уверенностью, как будто это действительно было правдой.

Если бы Се Юнь не потратил большую часть года на разведку этих мест в попытке проникнуть в 48 крепостей, он, возможно, действительно поверил бы ей.

Стремясь увидеть, сколько именно глупостей она может придумать, Се Юнь не стал разоблачать ее, вместо этого внимательно посмотрел на нее и даже задал несколько серьезных вопросов, хотя в душе смеялся в голос. Он чувствовал, что этого было достаточно, чтобы развлекать его, по крайней мере, в течение следующих двух лет.

Когда они добрались до гостиницы ночью, Се Юнь задал Чжоу Фэй вопрос, на который он уже знал ответ: «Поскольку мы, кажется, довольно близко, почему мы не входим в 48 крепостей сейчас, вместо того, чтобы оставаться здесь ещё на один день?»

Когда она была далеко от родных и близких, для неё ничего не значило противостоять самым сложным обстоятельствам со смекалкой и уверенностью не по годам. Но теперь, когда она была окружена людьми, которых знала, та её детская часть, из которой она всё ещё не выросла, полностью взяла верх. С тех пор как она встретилась с Ма Цзили и компанией, она снова взяла на себя роль последователя, который был свободен от всех обязанностей по принятию решений. Если Ма Цзили попросит её пошевелиться, она пошевелится, а если он попросит её отдохнуть, она так и сделает, без единого вопроса или жалобы. У неё вообще не было никакого мнения о том, где им следует остановиться и отдохнуть, или какой дорогой им следует ехать домой.

Слушая вопрос Се Юня, Чжоу Фэй подумала про себя: откуда, черт возьми, я знаю?

Но она не могла показать свое невежество, поэтому, подумав об этом на мгновение, она уверенно сказала:

- О, ты знаешь, опасно пересекать горные дороги после наступления темноты, а в тумане очень легко заблудиться...

Ма Цзили не мог больше видеть, как она смущается, и быстро сказал ученику, стоявшему рядом:

- Убедись, что количество людей, список имен и жетоны в порядке, прежде чем доставить их на пост охраны у входа в гору.

Осознание осенило Чжоу Фэй, которая только сейчас вспомнила, что им пришлось пройти через несколько постов охраны по пути наверх, и она добавила, не сбиваясь с ритма:

- Правильно, вход в 48 крепостей строго контролируется, поэтому личность каждого должна быть тщательно проверена и…

Чтобы остановить ее от выдумывания еще большего, Ма Цзили быстро прервал её излияния:

- Обычные ученики могут войти в 48 крепостей всего после двух раундов проверки, но этот процесс более обременителен для незнакомцев, которые входят в первый раз. Их вступление должно быть одобрено, по крайней мере, одним из старейшин 48 крепостей, что потребует ожидания примерно от двух до трех дней. Теперь, когда госпожи Ли нет дома, это может занять немного больше времени, чем обычно.

Чжоу Фэй кивнула головой, как будто знала это с самого начала.

У Чучу больше не могла сдерживаться и первой разразилась смехом. Се Юнь быстро поднес чашку к лицу, чтобы скрыть улыбку.

Чжоу Фэй странно посмотрела на них.

Ма Цзили сухо кашлянул и сказал:

- Молодой господин Се, вероятно, был первым человеком, который в одиночку пересек Чернильную реку за последние двадцать лет. Он, должно быть, был очень хорошо знаком с постами охраны и нашими правилами въезда.

Чжоу Фэй: «…»

Прежде чем она успела пнуть его в голень, Се Юнь уже легко отскочил с поднятой чашкой, напугав старого барда, который выступал внизу, и заставив его цитру фальшивить.

Посетители внизу разразились смехом. Старый бард добродушно закатил глаза и покачал головой, глядя на этого молодого человека, который внезапно вылетел к нему. Он отложил цитру в сторону и сказал: «Я думаю, что оставлю цитру в покое, так как ее струны сегодня немного влажные. Вместо этого этот старик попотчует всех вас, барышни и господа, старой сказкой».

Се Юнь сделал сальто в воздухе, чтобы приземлиться на одну из деревянных балок крыши. Удобно устроившись на ней, он сделал маленький глоток чая – ни одна капля не упала из чашки в его руке, несмотря на все переворачивания и прыжки, которые он только что сделал.

Кто-то сверху крикнул: «Старая – это хорошо, все новые - просто куча выдуманного мусора - почему бы не рассказать что-нибудь о бывшем главе 48 крепостей?»

Кто-то еще вмешался: «Если вы собираетесь рассказать нам какую-нибудь фантастическую историю о том, как кому-то удалось вырвать жемчужину изо рта Короля-Дракона, вы можете забыть об этом!»

Посетители обоих этажей снова от души расхохотались.

Темп жизни в этом городке у подножия гор Шу был медленным и легким, и этот старый бард привык шутить со многими давними клиентами здесь. В любом случае, он не нуждался в их деньгах. Закатив глаза, он начал свой рассказ, драматично подрагивая седыми усами: «Если бы мы говорили о великих героях, которых произвел этот регион, бывший глава 48 крепостей Ли Чжэн был величайшим, за исключением...»

Когда она уходила из дома, старая госпожа Ван и остальные торопились, поэтому они не очень долго пробыли в этом маленьком городке. Это был первый раз, когда Чжоу Фэй стала свидетельницей такого местного колорита. Забыв о своей ссоре с Се Юнем, она прислонилась к перилам на втором этаже, чтобы лучше слышать старого барда. Его история началась с того, как Ли Чжэн впервые появился на сцене и сделал себе имя в своем самом первом бою. Сказитель описал, как он разработал и освоил Саблю Раскалывающую Снег. История разворачивалась с захватывающими взлетами и падениями, в ярких деталях, и хотя ее можно было критиковать за изрядное преувеличение, она была чрезвычайно увлекательной. Несмотря на то, что здешние посетители, вероятно, слышали это бесчисленное количество раз, они все еще с удовольствием поглощали рассказ, и когда старый бард дошел до той части, где Ли Чжэн был «назван бандитом королевским указом», вся гостиница взорвалась радостными возгласами.

Чжоу Фэй услышала, как Ма Цзили тихо вздохнул и сказал: «Добровольно стать бандитом по королевскому указу – мы действительно обязаны своими жизнями, самой нашей плотью и кровью старому главе Ли».

Чжоу Фэй повернулась к нему. Этот дородный управляющий залом Сюйшань держал в руке пустую чашку, пристально глядя на старого барда внизу, и бормотал, почти про себя:

- Я, конечно, не единственный в 48 крепостях, кто многим обязан бывшему главе Ли. Мой отец был одним из тех смелых людей того времени, которые восстали против новой Северной династии, великим героем, погибшим на поле боя. Мне тогда едва исполнилось пятнадцать, и у меня не было ни ресурсов, ни способностей, о которых можно было бы говорить. С собаками ложной Северной династии, преследующими нас, я был вынужден бежать вместе с матерью и младшими братом и сестрой. Они умирали один за другим на дороге, и если бы не бывший глава Ли, ваш старый дядя Ма давным-давно превратился бы в груду костей.

Чжоу Фэй почувствовала, что с ее стороны было бы немного бесстыдно с энтузиазмом согласиться с такой похвалой в адрес собственного дедушки, поэтому она ухватилась за то, что

сказал Ма Цзили, меняя тему:

- Я не думаю, что когда-либо слышала, чтобы вы упоминали, что ваш отец был одним из тех великих героев, которые противостояли ложной Северной династии, дядя Ма.

- Что это был за дерьмовый героизм? - вопросил Ма Цзили с печальной улыбкой. Он выглядел немного озлобленным, как будто все еще был зациклен на том, что сделал его отец, затем тяжело вздохнул: - В этом мире мы все должны найти способ выжить. Если бы все мы хотели быть высокими деревянными балками, поддерживающими крышу, кто был бы скромными дровами? Если бы все мы провели свою жизнь, преследуя высокие идеалы, кто бы ставил еду на стол?

Ма Цзили поднял голову, чтобы посмотреть на Чжоу Фэй. У него было чрезвычайно торжественное выражение лица, как будто он разговаривал со своим сверстником.

Он решительно сказал:

- Если мужчина не может даже защитить жизни своей собственной жены и детей, какой смысл стремиться к смерти с головой, набитой высокими идеалами, такими как «справедливость» и «праведность»? Если бы он погиб сам по себе, то это было бы справедливо, но если бы он причинил вред и своей семье, действительно ли он достоин называться мужчиной? Или достоин того, чтобы его дети называли его «отцом»?

Чжоу Фэй некоторое время тупо смотрела на него, а затем из вежливости сделала вид, что понимающе кивнула. Она подумала про себя: какой смысл рассказывать мне об этом? Я не мужчина, и у меня нет жены и детей.

Ма Цзили, наконец, понял, что она не сможет понять, о чем он говорит. Покачав головой с самоуничижительной улыбкой, он вместо этого начал мягко упрекать ее:

- Юная барышня, ты действительно нечто. Я удивлен, что госпожа Ли позволила тебе покинуть 48 крепостей. Когда ты сошла с платформы для сбора цветов, получив минимальные две вырезки из бумаги, я подумал про себя, что этот безрассудно высокомерный ребенок обязательно попадет в беду - и посмотри, что произошло? Я был прав. Мой сын на два года младше тебя, и если в будущем он станет таким же, как ты, я скорее переломаю ему ноги, чем позволю выйти из дома.

Ли Янь показала язык Чжоу Фэй с другого конца стола. Чжоу Фэй смущенно кашлянула и чопорно попыталась сменить тему:

- Дядя Ма, все ли истории этого старого барда о главе Ли действительно правдивы?

Ма Цзили усмехнулся:

- О, легендарный глава Ли сделал гораздо больше, чем это. Я слышал, что когда Цао Чжункунь узурпировал трон, и двенадцать придворных чиновников рисковали своими жизнями, чтобы сопроводить молодого императора на Юг, мастер Ли даже защищал их по пути. Как ты думаешь, почему ещё им удалось благополучно добраться до места?

Глаза У Чучу расширились, и даже Се Юнь бочком подошел к нему. Пока бард громко угощал посетителей внизу, Чжоу Фэй и компания теснились вокруг Ма Цзили, слушая, как он рассказывает эти истории приглушенным голосом, одинаково очарованные.

Поскольку в их компании было двое незнакомцев, 48 крепостям потребовалось гораздо больше времени, чтобы действительно ответить на их просьбу о въезде. Но правила есть правила, и если только сама госпожа Ли не требовала входа, то ни для кого другого не могло быть исключений. У Чжоу Фэй и компании не было другого выбора, кроме как оставаться на месте в данный момент. По крайней мере, город, в котором они находились, был довольно оживленным, с рынками, которые можно было посетить, и бардами, которые потчевали их рассказами, чтобы им не было слишком скучно.

На их третью ночь в этом городе Ма Цзили подошел к ним с кувшином вина в руке и сказал: «Мы, вероятно, получим от них ответ завтра. Эта кучка негодяев действительно движется со скоростью улитки теперь, когда твоей матери нет дома. Вам всем следует лечь спать пораньше – Янь, я с тобой разговариваю, не вздумай снова спать до полудня».

У Чучу послушно удалилась в свою комнату. Ли Янь нахмурилась и неохотно поплелась обратно в свою комнату только после того, как Чжоу Фэй бросила на нее свирепый взгляд. Таким образом, Се Юнь остался один в главном зале гостиницы, сидя за маленьким деревянным столом у окна. На столе перед ним стояла бутыль того водянистого вина, к которому он привык. Он смотрел в открытое окно, на яркий лунный свет, струящийся на горы Шу.

Чжоу Фэй остановилась, как вкопанная. В этот самый момент волнение от того, что она была так близко к дому, наконец-то улеглось достаточно, чтобы она поняла одну вещь - был ли этот человек «принцем Дуанем» или Се Юнем, ни одна из его версий не смогла бы остаться здесь надолго. Было бы неуместно, чтобы «принц Дуань» оставался в 48 крепостях, а что касается Се Юня... Чжоу Фэй чувствовала, что этот парень больше привык вести жизнь бродяги.

Так что это могло означать только то, что после того, как они прошли через ад и вернулись вместе, им двоим, возможно, очень скоро придется расстаться.

Возможно, это было потому, что они слишком долго ждали в этом городе, но Чжоу Фэй внезапно перестала так радоваться возвращению домой. Она подошла к Се Юню и отодвинула скамейку, чтобы сесть рядом с ним. С того места, где он сидел, были хорошо видны 48 крепостей. На фоне темных гор виднелись рассеянные точки света факелов, когда эти неутомимые часовые совершали свой ночной патруль.

Это был ее дом.

Тогда как насчет дома Се Юня?

Чжоу Фэй вспомнила, как Се Юнь сказал: «Мой дом в старой столице». Теперь, у подножия гор Шу, она, наконец, различила оттенок бесконечной печали в этом коротком предложении.

Она вдруг спросила:

- Какой была старая столица?

Се Юнь, казалось, был ошеломлен ее вопросом и сделал паузу на мгновение, прежде чем ответить:

- Старая столица… была очень холодной, в отличие от здешних мест, где деревья остаются зелеными в течение всего сезона. Каждую зиму улицы становились совершенно пустыми. Иногда падал сильный снег, покрывая гладкие мощеные улицы, и места, где ступали люди или лошади, частенько покрывались льдом.

Когда Цао Чжункунь устроил свой мятеж и сжег Восточный дворец, Се Юнь, должно быть, был всего лишь маленьким ребенком двух или трех лет – возможно ли, чтобы кто-то в этом возрасте помнил такие вещи? Она не могла сказать наверняка, но, по крайней мере, Чжоу Фэй помнила ледяные руки своего отца и окровавленную спину дяди.

- Но замерзнуть во дворце было невозможно, потому что там всегда разжигали сильный огонь, и… - Се Юнь сделал паузу на мгновение, сделал глоток вина и улыбнулся. - Ну, остальное я уже не помню. Кроме защиты от замерзания и голода, в этом месте, вероятно, не было ничего хорошего, потому что там было так много правил – когда я стал старше, мне всегда нравилось зимой отправляться на юг. Чтобы сэкономить деньги, все эти гостиницы на Севере не разжигают для тебя огонь, и если тебе не удастся снять комнату, тебе, возможно, даже придется спать на холоде под открытым небом, что, конечно, получше морозов – поэтому я предпочитаю более теплый Юг.

Чжоу Фэй немного поколебалась, прежде чем спросить:

- Тогда ты…

- Помню ли я, как Цао Чжункунь сжег Восточный дворец дотла? - Увидев, как неуверенное выражение лица Чжоу Фэй внезапно сменилось полным шоком от его вопроса, Се Юнь не смог удержаться от смешка. Он сказал, как ни в чем не бывало: - Я помню. Это первый пылающий огонь, который я когда-либо видел в своей жизни, поэтому, конечно, я помню его, но что касается того, что я чувствовал, я не думаю, что у меня было много эмоций. В то время я не знал, что значит бояться, и не знал, что я потеряю, покинув эти высокие красные стены. Старый евнух, который спас меня, был верным и преданным слугой и не позволял мне видеть то, чего я не должен был видеть. Что касается моих родителей… Я редко видел их, когда был маленьким – наверное, я был ближе к своей няне. Теперь, когда у Южной династии есть мой

дядя, чтобы поддерживать ее, все эти годы никто никогда не умолял меня отомстить или что-то в этом роде. Если им когда-нибудь удастся избавиться от этих предательских повстанцев на Севере, я, вероятно, вернусь в старую столицу и осмотрюсь, но сомневаюсь, что поселюсь там навсегда. Вопреки тому, что ты, возможно, думаешь, я на самом деле не питаю такой глубокой и горькой ненависти.

Его улыбка выглядела почти беззаботной и ни в малейшей степени не горькой. Чжоу Фэй странно посмотрела на Се Юня. Она всегда чувствовала, что в нем есть что-то очень странное.

Она открыла рот, чтобы заговорить. Но как раз в этот момент они услышали резкие крики птиц с гор вдалеке. Птицы стаями взмыли в ночное небо, как будто их что-то напугало. Внезапно вокруг начал дуть сильный ветер, который с грохотом захлопнул окно. Тускло освещенные факелы в гостинице дико мерцали.

Рука Чжоу Фэй, державшая ее кубок с вином, застыла в воздухе. Ее веко внезапно дернулось.

В этот самый момент воды Чернильной реки, были такими же темными, как и всегда. Когда лунный свет время от времени падал на струны Цянь Цзи внутри, луч отраженного света скользил по поверхности воды.

После того, как Ли Цзиньжун покинула 48 Крепостей, их оборона, естественно, была на высшем уровне боевой готовности. В то время как Юй Лао стоял на страже посреди Чернильной реки, этот чудовищный зверь в воде не отдыхал. Если бы кто-то стоял посреди реки, то заметил бы, что ее окутанные туманом скалы находятся в непрерывном движении. Если бы кто-нибудь осмелился пройти над этими водами, струнная машина мгновенно подняла бы бурные, бурлящие волны - страшную силу, которой даже Чжоу Фэй никогда не видела. Большую часть времени Юй Лао лишь пытался немного напугать ее. Он, конечно, никогда бы не обрушил всю силу этого невероятно сильного зверя на молодую девушку, которая даже не закончила свое ученичество.

Но в эту ночь фигура легко скользила по смертоносной поверхности реки, направляясь прямо к павильону в ее центре…

Порывы ветра над рекой внезапно стали яростными, дико врываясь в павильон. Тонкая ваза на мгновение беспокойно закачалась на своем выступе, прежде чем упасть вниз. Два длинных уса на губах старейшины Юя были раздуты до самых ушей. Его глаза распахнулись.

Как раз в этот момент одна рука молниеносно протянулась, поймав эту вазу, прежде чем она упала на землю.

Это была женская рука с длинными ногтями, покрытыми ярко-красным лаком. В лунном свете бледная рука выглядела почти зловеще.

http://tl.rulate.ru/book/33015/2399235